

КРИЗИСНЫЕ КОММУНИКАЦИИ КАК ИНДИКАТОР СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ РЕАЛЬНОСТИ

Галина Енгиновна ТРЕТЬЯК,
старший преподаватель ДВГТУ

Изменение парадигмы социально-экономического развития России в конце XX в. заставляет по-новому взглянуть на социокультурную реальность Дальнего Востока, которая с начала перестройки характеризуется глубоким социально-политическим и экономическим кризисом. Трансформационные процессы порождают множество словов привычной картины мира. В условиях нестабильности социально-политических и экономических отношений возникла угроза национальной безопасности. Не потерять, а устоять — такая задача огромного масштаба обозначена перед дальневосточным регионом.

В связи с активизацией кризисных процессов обострилась проблема места и роли феномена кризисных коммуникаций как индикатора социокультурной реальности. Кризисные коммуникации — это «...такое состояние коммуникативного процесса, которое характеризуется крайним обострением противоречий, нарастанием угрозы риска и дисфункций в коммуникативной системе»¹.

Целью исследования является анализ социокультурной реальности дальневосточного региона сквозь призму кризисных коммуникаций. В связи с поставленной целью предполагается решить следующие задачи:

- определить сущность кризисных коммуникаций;
- выявить причинно-следственную связь их возникновения;
- дать классификацию основных продуцентов кризисных коммуникаций;
- наметить систему подходов к их разрешению.

Современное нестабильное состояние российского общества невозможно стабилизировать без создания единой системы управления кризисными ситуациями. Поскольку такое управление зачастую выполняется в условиях внезапности возникновения, значительной неопределённости, эскалации напряжённости, конфликтности, то управлять процессом выхода из кризисных коммуникаций чрезвычайно сложно. Для этого

необходима классификация причин и типов кризисов, способствующих их возникновению. Это предоставляет дополнительные возможности для разработки различных сценариев их разрешения, позволит более целенаправленно и эффективно действовать, чтобы нейтрализовать опасные последствия.

Главной причиной дезорганизации социокультурного пространства стало возникновение кризисных коммуникаций между большей частью населения и институтами власти России в связи с динамикой реформаторских преобразований. Социальное настроение в ходе реформ ухудшилось, у людей накопилась большая усталость. Самым разрушительным по последствиям был первый этап реформ — с 1992 по 1997 г.

Для населения России по степени влияния на возникновение кризисных коммуникаций, оставивших самый сильный отпечаток, явился августовский дефолт 1998 г., мощное финансовое потрясение, которое привело к финансовой несостоятельности России и экономическому кризису. Потребительские цены выросли вдвое, реальные доходы населения снизились на 25—30%, произошёл резкий спад производства². Следствием кризиса было обнищание большей части российского населения. Основными продуцентами кризисных коммуникаций стали *неудовлетворённые общественные потребности; неправовое коммуникативное пространство; коммуникативная некомпетентность*.

В случае *неудовлетворённой общественной потребности* кризисные коммуникации обуславливают подавление или неадекватное удовлетворение базовых потребностей индивидов или социальных групп в связи с неравным доступом к ресурсам. В частности, в дальневосточном регионе остро стоит проблема неравномерного доступа к ресурсам по сравнению с другими россиянами. Об этом говорят следующие факты: «...валовой продукт, производимый в регионе, в 17 раз ниже, чем в остальной части Российской Федерации; прекратили существование 159 предприятий судостроения и судоремонта, являющиеся определяющими отраслями региона; обеспеченность экономики и населения железными дорогами в ДФО в 4 раза, а автодорогами — в 6 раз ниже, чем в европейской части России, при этом транспортные тарифы в 2,5 раз выше, чем для остальных россиян»³.

Неудовлетворённая общественная потребность в России порождает болезненные социальные процессы: так разрыв между богатством и бедностью приводит к гипертрофированным формам социального неравенства. Касается это, прежде всего, «средних россиян», базового слоя населения, которое в наибольшей степени испытывает последствия социального неравенства статусов и возможностей.

Неблагополучие дальневосточного социума подтверждает низкий индекс развития человеческого потенциала. Бюджетная обеспеченность субъектов Федерации, входящих в Дальневосточный федеральный округ, в два раза ниже, чем по России. Каждый пятый дальневосточник живёт на доходы, размер которых ниже величины прожиточного минимума (см. табл. 1).

Таблица 1

Удельный вес населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума (в % от общей численности населения субъекта)⁴

	2000	2001	2002	2003	2004	2005
Республика Саха (Якутия)	28,3	26,4	22,3	20,4	20,3	20,5
Приморский край	55,9	52,1	46,9	37,5	30,5	27,6
Хабаровский край	35,5	32,1	26,5	24,5	23,4	21,9
Амурская область	47,7	45,3	44,6	35,8	34,3	28,9
Камчатская область, в том числе Корякский автономный округ	...	...	34,3 38,1	26,8 28,1	23,7 22,8	30,0 30,3
Магаданская область	30,9	25,5	20,8	18,5	18,2	18,7
Сахалинская область	39,6	37,1	31,0	25,0	21,3	19,3
Еврейская автономная область	57,3	51,1	38,4	33,0	30,3	28,4
Чукотский автономный округ	50,1	32,8	28,6	19,2	19,7	28,1

В Приморском крае численность постоянного населения на 1 сентября 2007 г. составляла 1 млн. 998,5 тыс. чел. Это на 7400 чел. меньше, чем на 1 января этого же года, и на 21 000 чел. меньше, чем в 2005 г.⁵

Одним из ярких проявлений дисфункции и дезорганизации социальных институтов является ухудшение демографической ситуации, нерегулируемые миграционные процессы. Угроза обезлюдения дальневосточного региона из-за явной демографической катастрофы возникает по причине убыли населения вследствие увеличения смертности, сокращения рождаемости. В целом при сохранении современной модели воспроизводства численность населения России может сократиться к 2025 г. не менее чем на 20 млн. человек. Можно проследить, как падал естественный прирост населения по Приморскому и Хабаровскому краям, Камчатской и Магаданской областям (см. табл. 2).

Таблица 2

С 1990 г. по 2005 г. (минусами обозначена естественная убыль населения)⁶

	1990	1993	1995	1997	2000	2003	2005
	Данные указаны в тыс. чел.						
Приморский край	12 740	-7 766	-8 315	-9 033	-11 120	-10 492	-11 638
Хабаровский край	9 491	-4 484	-6 043	-5 994	-8 345	-7 898	-7 664
Камчатская область	2 939	-550	-850	-125	-621	-509	-537
Магаданская область	3 103	-725	-693	1	-420	-248	-449

Общие показатели воспроизводства населения ДФО в 2006 г. являются отражением неблагоприятных тенденций в социально-экономических условиях жизни населения, развитии здравоохранения и здоровье общества.

В Приморье число умерших в первом полугодии 2008 г. превысило число родившихся на 4347 чел. (в первом полугодии 2007 г. — на 4328 чел.)⁸.

Не улучшает социально-экономическую и политическую ситуацию Дальнего Востока и тот факт, что за последние 13 лет за пределы региона

Таблица 3

Общие показатели воспроизводства населения ДФО в 2006 г.⁷

	Всего чел.			На 1000 чел. населения		
	родившихся	умерших	естественный прирост	родившихся	умерших	естественный прирост
Республика Саха (Якутия)	13 713	9 245	4 468	14,4	9,7	4,7
Приморский край	20 935	30 052	-9 117	10,4	14,9	-4,5
Хабаровский край	15 558	20 958	-5 400	11,0	14,9	-3,9
Амурская область	10 391	13 635	-3 244	11,8	15,5	-3,7
Камчатская область, в том числе Корякский автономный округ	3 842 270	3 943 366	-101 -96	11,0 11,8	11,3 16,0	-0,3 -4,2
Магаданская область	1 820	2 242	-422	10,7	13,2	-2,5
Сахалинская область	5 860	7 862	-2 002	11,2	15,0	-3,8
Еврейская автономная область	2 260	2 978	-718	12,1	16,0	-3,9
Чукотский автономный округ	771	585	186	15,3	11,6	3,7

выехало более 15% русскоязычного населения⁹. Ежедневно население округа сокращается на 274 чел. Дальний Восток потерял за годы перестройки 1,4 млн. чел. (практически население Хабаровского края), в частности, в Приморье с 2002 по 2004 г. край потерял население, равное по численности населению г. Спасска-Дальнего¹⁰. Только за 2006 г. из дальневосточного региона выбыло 133 101 тыс. чел. (см. табл. 4).

Таблица 4

Общие итоги миграции населения по субъектам Российской Федерации в 2006 г.¹¹

	Выбывшие всего	Из них			
		в пределах России	в том числе		в зарубежные страны
			внутри регионов	в другие регионы	
Республика Саха (Якутия)	26 280	25 823	14 958	10 865	465
Приморский край	30 897	30 425	16 840	13 585	472
Хабаровский край	23 543	22 812	10 821	11 991	731
Амурская область	22 318	22 042	13 832	8 210	276
Камчатская область, в том числе Корякский автономный округ	6 901 592	6 659 591	1 810 275	4 849 316	242 1
Магаданская область	6 953	6 713	2 247	4 466	240
Сахалинская область	10 401	10 187	4 261	5 926	214
Еврейская автономная область	4 232	4 127	1 421	2 706	105
Чукотский автономный округ	1 576	1 551	284	1 267	25

Отток русскоязычного населения в западные регионы происходит из-за бытовой и социальной неустроенности, ощущения оторванности от центра, когда невозможно выехать к родственникам на Запад (средняя

цена авиабилета 20—30 тыс. руб.). Катастрофическому снижению численности населения сопутствует массовый поток выходцев из Юго-Восточной Азии, в основном из Китая, что приводит к деградации социума региона, необратимому ущербу экологии. «Ползучая экспансия» такова, что сегодня каждый 10-й проживающий в ДФО — легальный либо нелегальный гражданин Китая.

Незаконное проживание незарегистрированных эмиграционными службами жителей близлежащих территорий Китая становится острой проблемой, несмотря на усилия миграционных служб. Статистические данные УФМС говорят о том, что в сети миграционной службы попадает мизерное число нелегально проживающих граждан КНР: за 10 месяцев 2007 г. за нарушения в сфере трудовой миграции было составлено 11 тыс. протоколов, но выдворено менее 400 иностранцев¹². В связи с этим назревает ещё одна из задач — проведение эффективной миграционной политики.

Состояние социума региона заметно ухудшается и в результате расширения *неправового пространства*. В целом противоправная деятельность формирует значительное неправовое социальное пространство, в том числе и «теневую экономику». Разрушительные последствия кризисных коммуникаций влияют на устоявшееся бытие, проявляются в дезадаптации личности, в дезорганизации всех привычных форм существования. В связи с крушением жизненной картины мира индивида межличностные связи приобретают другие регулятивы, иногда деструктивные, что может конструировать неправовое пространство социокультурной реальности. В частности, массовое нарушение прав граждан постоянно фиксирует ВЦИОМ. Согласно его данным среди нарушителей законных прав массовых групп граждан лидирует руководство по месту работы (60%) и органы власти разных уровней, включая органы правопорядка (53%). 42% опрошенных указывают, что в современных условиях их законные права нарушаются чаще, чем до реформ, причём рядовые россияне противодействие считают бесполезным и небезопасным (лишь 10% граждан удавалось избежать неправовых ситуаций)¹³.

Индикатором тревожности как в России, так и в регионе является быстрое распространение наркомании и алкоголизма. В этом направлении показательно число зарегистрированных наркоманов в Приморском крае (более чем в 2,5 раза превышает среднероссийские показатели). Ситуация с алкоголизмом, наркоманией и токсикоманией усугубляется растущей детской беспризорностью (89% опрошенных безнадзорных детей пробуют нюхать клей, бензин или газ)¹⁴. По оценкам Совета Федерации и независимых экспертов, в 2002 г. количество беспризорных достигло 3—4 млн. чел., приближаясь к количеству беспризорных 1921 г. (4, 5—6 млн. чел.).

Усиление криминогенной обстановки происходит за счёт вовлечения детей в преступную деятельность, в сексиндустрию. За 2003 г. в органы внутренних дел Приморья было доставлено свыше 16 тыс. безнадзорных подростков, зарегистрировано 3569 преступлений, совершённых подро-

стками 14—17 лет¹⁵. Уровень преступности по сравнению с 2005 г. вырос почти на четверть, с начала 2006 г. совершено 2180 преступлений, из них 347 грабежей, 99 разбойных нападений, 1174 кражи¹⁶.

Новые частные реформы принимаются необдуманно, большая часть населения принимает их с настороженностью, рассматривает как чуждые и враждебные своим интересам, ярким примером является непопулярность «Закона о монетизации льгот» (2005 г.), вынудившая представитель власти нескольких регионов, в том числе и Приморского края, вернуть населению некоторые отменённые льготы.

Объявленные национальные проекты вроде бы улучшили социальное самочувствие многих дальневосточников. Но в реальности, если взять программу «Доступное и комфортное жильё», то меньше всего она коснётся малообеспеченной части населения из-за дороговизны одного квадратного метра жилплощади. Средние цены на жильё в 2005 г. составили — 26 356,2 руб. за 1 кв. м. В 2008 г. за один кв. м первичного жилья надо было платить приблизительно 47 000 руб., а вторичного жилья — 30 000 руб. У большинства семей нет возможности получить квартиру. В частности, в Приморском крае в «...2003 г. получили жильё 88 многодетных и 103 молодых семьи, тогда как в 1990 г. соответственно 562 и 306»¹⁷.

Раздел в приоритетном проекте «Здоровье» о «материнском капитале» также внёс достаточно много путаницы: например, дети, родившиеся в 2006 г. (с небольшой разницей во времени) до 1 января 2007 г., дискриминированы, так как не имеют права на данный капитал.

Указанные негативные факты — результат отсутствия социальной ответственности, в том числе и работодателей, и низкий уровень доверия к действующим властным структурам. Всё это неизбежно продуцирует характерное нежелание адаптироваться к изменившимся социально-экономическим условиям, провоцирует тоску по советским социальным гарантиям, патерналистские ожидания, обрекает на неудачный опыт вхождения в рынок.

Следствием другого фактора является нарастание протестной мобилизации из-за дезадаптации определённой части населения. Недоверие, растерянность и тревога являются реакцией на действия власти. Уровень тревожности повышается из-за постоянных ожиданий роста потребительских цен: увеличение потребительских цен 2008 г. по сравнению с декабрём 2007 г. составило 108,9%, что значительно выше аналогичного периода прошлого года — 104%¹⁸. Население также с тревогой ожидает последствий мирового кризиса банковской системы, повторения дефолта 1998 г.

Индикатором *коммуникативной некомпетентности* является незнание или несоблюдение коммуникативных норм на разных уровнях. Неадекватные нормы, существующие в реальной действительности, в отличие от коммуникаций в условиях нормы вызывают коммуникации на принципах интолерантности (нетерпимости) к «чужим», «врагам». И соответственно нормы поведения по отношению к «своим» и «чужим» (или «врагам») в корне отличаются. Например, мы наблюдаем эти напряжённые

отношения между местным населением и мигрантами из СНГ и так называемыми «туристами» из сопредельных государств, ухитряющимися заниматься нелегальной трудовой деятельностью на многих рынках Дальнего Востока. Необходимо подчеркнуть, что «неадекватные нормы, регулирующие данные взаимоотношения, могут вызвать в обществе катастрофические последствия»¹⁹.

Все перечисленные факторы составляют перечень специфических причин возникновения кризисных коммуникаций; к ним возможно присоединение типологии причин, вызывающих кризисы в организациях: *угроза банкротства; увольнение значительной части сотрудников; угроза террористического акта; потеря значимых клиентов или рынка и др.* Как видно из этого перечня, за каждой кризисной ситуацией в условиях организационного кризиса следуют соответствующие специфические проявления кризисных коммуникаций, развитие которых происходит в соответствии с типом и остротой протекания кризиса, что подтверждается многочисленными подходами к их классификации.

В момент возникновения кризисных коммуникаций наступает потребность в необходимости принятия эффективных решений и оперативных действий в сжатые временные сроки. Но для этого необходимо представлять объём причинённого ущерба по всем параметрам. В связи с этим возникает проблема разрешения и оценки разрушительных последствий кризисных коммуникаций и борьбы с последствиями. Главная задача в таких случаях — предотвращать их, т.е. разрешать или устранять наиболее опасные общественные последствия.

Множество примеров разрешения кризисных проблем не всегда имеет положительную оценку среди общественности. Противоречивая повседневная российская реальность даёт яркие примеры конфликтов межэтнических (Кондопога), политических и социальных — между субъектами федерации и высшими органами власти Российской Федерации (когда власти субъектов федерации — Чеченской республики, Калмыцкой автономной области и др. — пытались внедрить законы шариата с сомнительной легитимностью на территории РФ).

Кризисные коммуникации, являясь индикатором современной социокультурной реальности, показывают, насколько могут быть опасными последствия, в то же время выдвигают задачу разработки различных сценариев их разрешения. Нейтрализация опасных последствий может дать позитивные результаты только при комплексном, интегративном, системном подходах. Сегодня отчётливо видна необходимость использования информационного взаимодействия во всех сферах общества в целях предотвращения кризисных процессов, а именно: предоставление актуальной информации о любом кризисе либо предкризисном состоянии, поддержание оперативной связи с использованием электронных средств коммуникаций, употреблением горячих линий и т.д.

Благосостояние общества на любом уровне зависит от умения управлять процессами кризисных коммуникаций. Их оптимизация невоз-

можно без преобразований социокультурной реальности с применением передовых социоинженерных, коммуникативных и информационных технологий, включение которых улучшает коммуникативное пространство социокультурной реальности и повышает эффективность коммуникативных форм человеческого общения.

- ¹ Залуний В.И., Третьяк Г.Е. Кризисные коммуникации: сущность, фазы и уровни развития // Научные труды Дальневосточного государственного технического университета. Владивосток: Изд-во Уссури, 2007. С. 228.
- ² Медведев В.А. Перед вызовами постиндустриализма: Взгляд на прошлое, настоящее и будущее экономики России. М.: Альпина Паблишер, 2003. С. 160.
- ³ Исхаков К. Положение на Дальнем Востоке превратилось в прямую угрозу национальной безопасности России // Дальневост. учёный. Владивосток, 2007. 14 марта. С. 2.
- ⁴ Регионы России. Социально-экономические показатели: 2006. Стат. сб. М.: Росстат, 2007. С. 179.
- ⁵ Холкина О. К другим берегам // Российская газета. М., 2007. 29 нояб. С. 10.
- ⁶ Беглярова И. Демографическая ситуация сегодня — производная состояния общества // Российская Федерация сегодня: Обществ.-полит. журн. Федерального собрания. М., 2007. С. 28.
- ⁷ Демографический ежегодник России: стат. сб. М.: Росстат. 2007. С. 70.
- ⁸ Социально-экономические положение Приморского края: Основные показатели, характеризующие итоги 1 полугодия 2008 года // Утро России. Владивосток, 2008. 5 авг.
- ⁹ Романов И. Миграционные проблемы на Дальнем Востоке // Проблемы теории и практики управления. М., 2005. № 2. С. 49.
- ¹⁰ Прохорова Ю. Ноев ковчег или Вавилон // Российская газета. М., 2007. 22 марта. С. 10.
- ¹¹ Демографический ежегодник России. С. 421.
- ¹² Сухарьков А. В сети миграционной службы попадает только мелкая рыба // Владивосток. 2007. 11 дек. С. 9.
- ¹³ Заславская Т.И. Социетальная трансформация российского общества: деятельностно-структурная концепция. 2-е изд., испр. и доп. М.: Дело, 2003. С. 182.
- ¹⁴ Ильченко О.Ю. Безнадзорность и социальные отклонения среди несовершеннолетних Приморского края: пилотное исследование // Вестник ДВО РАН. Владивосток, 2008. № 2. С. 26—28.
- ¹⁵ Грицюк М. О детях Приморского края // Сихоте-Алинь. 2004. 8 июня. С. 3.
- ¹⁶ Огневский А. Дети бьют криминальные рекорды // Владивосток, 2006. 29 авг. С. 2.
- ¹⁷ Грицюк М. О детях Приморского края.
- ¹⁸ Социально-экономические положение Приморского края. Основные показатели, характеризующие итоги 1 полугодия 2008 года // Утро России.
- ¹⁹ Проблемы теоретической социологии: сб. статей / под ред. А.О. Бороноева. СПб.: Изд-во С.-Петербургского ун-та, 1996. Вып. 2. С. 82—92.

SUMMARY: In the article the modern social-cultural reality is shown through the prism of such a phenomenon as crisis communications in a social reality. There is given the analysis of numerous approaches for classification of reasons and types of the crisis in the organizations promoting occurrence of the crisis communications.